

АЛЕКСЕЙ ГУМИЛЁВ

13 ИСТОРИЙ ПРОКЛЯТОЙ ШКОЛЫ

ЧТО ДЕТИ РАССКАЖУТ СЕГОДНЯ?

КАЖДАЯ **ИСТОРИЯ** — ЭТО **НЕ ВЫМЫСЕЛ...**

СТРАХ. ТАЙНА. ПРАВДА,
КОТОРАЯ **ЖДЁТ ЗА ПАРТОЙ...**

Алексей Гумилёв

13 историй проклятой школы

«Автор»

2026

Гумилёв А.

13 историй проклятой школы / А. Гумилёв — «Автор», 2026

Этому зданию больше ста лет. Днём здесь учатся, смеются и ссорятся. А ночью тяжёлый потемневший кирпич начинает говорить. Обычно никто не слышит этих историй. Но сегодня дети снова собрались в кругу, и тени, танцующие в пламени свечи, оживают, становясь героями очередного страшного рассказа. Что это — быль или небыль? О чём на самом деле их истории? И кто следит за ними из темноты, пока они шепчут и боятся?

© Гумилёв А., 2026

© Автор, 2026

Алексей Гумилёв

13 историй проклятой школы

История I Последний звонок

Ходил слух, что каждый год в ночь после Последнего звонка, ровно в полночь, в пустом актовом зале снова звенит школьный звонок. Не электронная трель, к которой давно привыкли ученики, а старый металлический звонок, каким когда-то начинались уроки. Долгий, гулкий, будто его раскачивает чья-то невидимая рука.

Говорили, что слышать его нельзя. Если услышишь, то до следующего учебного года уже не доживёшь. Не потому, что умрёшь, а просто исчезнешь. Без следа. Словно тебя никогда и не существовало. Кто-то вспоминал одиннадцатиклассника, который якобы пропал больше двадцати лет назад. Кто-то клялся, что видел ночью свет в актовом зале, хотя школа давно была закрыта. Учителя только раздражённо отмахивались и говорили, что подобные сказки появляются перед экзаменами каждый год.

Алина тоже так считала. Она вообще не верила в школьные легенды. Не верила в призраков, проклятия и рассказы про старые здания. Она считала, что любую страшную историю можно было объяснить усталостью, совпадением или чьей-то глупой шуткой.

— Значит, в полночь звонит звонок, — усмехнулась она, когда после торжественной линейки они всем классом фотографировались во дворе школы. — И никто ни разу не догадался поставить записать видео на телефон?

— Не смешно, — тихо сказала Вика. — Моя бабушка училась здесь. Она рассказывала, что одна девочка действительно исчезла после Последнего звонка.

— Конечно, исчезла. Закончила школу, поступила в другой город, сменила фамилию. Вот и вся мистика.

Несколько человек засмеялись, но не слишком уверенно. Старая школа умела портить настроение даже днём. Трёхэтажное кирпичное здание с высокими окнами стояло здесь уже больше ста лет. За это время менялись директора, поколения учеников, учебники и государственные флаги, а школа оставалась прежней. Только кирпич потемнел, а деревянные полы от малейшего дуновения ветерка начали скрипеть так, будто под ними кто-то ходит.

Когда праздник закончился, выпускники постепенно разошлись. Во дворе ещё фотографировались родители, учителя складывали аппаратуру, уборщицы собирали пластиковые стаканчики, оставшиеся после чаепития. Алина дождалась момента, когда на неё перестали обращать внимание. Она незаметно поднялась на третий этаж, прошла по пустому коридору и спряталась в кладовке рядом с актовым залом.

План был простым. Дождаться полуночи и убедиться, что никакого звонка нет. А утром рассказать всем, что старая школьная легенда оказалась всего лишь глупой страшилкой. Тогда она ещё не знала, что некоторые звонки звучат не для того, чтобы начать урок. А для того, чтобы его уже никогда не закончить.

Алина написала маме:

"Не волнуйся, я с ночевой у Маши."

Родители ничего не должны были заподозрить. Она часто ночевала у подруги. Да и вообще была почти взрослой, до восемнадцатилетия оставалось рукой подать.

Почти через полчаса по лестнице медленно поднялись две уборщицы.

— Ты актовый зал закрыла? — спросила одна.

— Закрыла.

— Проверила сцену?

— Проверила.

— А...

Женщина вдруг замолчала и посмотрела в сторону дверей актового зала.

— Что?

— Ничего... Показалось.

Она быстро перекрестилась.

Вторая недовольно фыркнула.

— Опять ты за своё. Каждый май одно и то же.

— Лучшешний раз перекреститься.

Алина усмехнулась.

— Взрослые... — тихо пробормотала она. — А сами в сказки верят.

От нечего делать Алина достала наушники и принялась смотреть короткие видео. время пролетело незаметно, и телефон сообщил, что осталось всего 30%. А ведь надо было ещё снять видео. С сожалением она убрала мобильник в карман, напоследок проверив время. Без десяти одиннадцать. Ждать оставалось чуть больше часа.

В кладовке пахло старой краской, пылью и мокрыми тряпками. Сквозь узкую щель между дверью и косяком был виден кусочек коридора. Там уже давно никого не было. Только полная луна светила в окна, превращая длинный школьный коридор в бледный тоннель.

Минуты тянулись удивительно медленно. Школьные часы в конце коридора негромко отсчитывали секунды.

Тик.

Тик.

Тик.

Раньше Алина никогда не замечала, какие они громкие. Когда стрелки приблизились к полуночи, ей вдруг стало не по себе. Не страшно, а скорее неловко. Будто она оказалась там, где быть не должна. Она осторожно приоткрыла дверь кладовки и выглянула.

Коридор был пуст. Двери кабинетов стояли закрытыми. Всё выглядело совершенно обычно.

Алина тихо вышла наружу. До дверей актового зала оставалось всего несколько шагов. Часы показывали без одной минуты двенадцать. Алина улыбнулась.

"Ну вот и всё."

Она достала телефон, обдумывая, что лучше: позвонить Маше по видео или включить трансляцию. Но интернет отсутствовал, да и сеть исчезла тоже. Тогда она включила запись видео, обвела камерой ночной коридор, сняла себя и громко демонстративно сказала:

— Не понимаю, чего тут бояться. Никакого звонка нет. Вот, смотрите.

Алина перевела камеру на часы, показывающие ровно двенадцать часов, и остановила съёмку. Она уже собиралась развернуться и уйти, как вдруг заметила странную деталь. Секундная стрелка остановилась. Замерла ровно на цифре двенадцать. В ту же секунду во всей школе наступила такая тишина, что стало слышно собственное дыхание.

А потом где-то совсем рядом...

Дзынь...

Одинокий удар старого школьного звонка прокатился по пустым коридорам. Не электронный сигнал. Не пожарная сирена. А тяжёлый металлический звон, который будто доносился сразу отовсюду: из актового зала, из лестничных пролётов, из старых батарей отопления, из самого воздуха. И после первого удара наступила тишина.

Трясущимися руками Алина достала мобильник. Телефон вдруг завибрировал. Экран мигнул и погас.

— Вот только не сейчас...

Алина нажала кнопку включения. Телефон снова ожил. Сто процентов заряда. Алина нахмурилась. Через мгновение цифры сменились сами.

Пятьдесят.

Двадцать.

Один процент.

Экран снова погас.

— Да что за!

Алина ещё несколько раз нажала кнопку. Безрезультатно.

А затем звонок зазвенел снова. Второй удар прозвучал дольше первого. Он не оглушал. Наоборот. Казалось, звук становится тише с каждой секундой, но одновременно подбирается всё ближе, словно кто-то медленно идёт по пустой школе, раскачивая тяжёлый медный колокол.

Дзынь...

Эхо покатилося по лестничным пролётам. В ответ тихо скрипнули половицы актового зала. Алина вздрогнула.

— Кто здесь? — негромко спросила она.

Ответа не было.

Звук приближался. В другой стороне был только актовый зал. Алина сделала несколько осторожных шагов к высоким двустворчатым дверям. Дёрнула ручку. Заперто.

— Странно...

Звонок прекратился, но теперь она отчётливо слышала ещё один звук. Музыка. Очень тихую. Будто далеко-далеко кто-то играл школьный вальс на старом магнитофоне. А потом послышались голоса, смех и аплодисменты. Чей-то радостный крик:

— Горько!

Алина нахмурилась.

— Не может быть...

Она приложила ухо к двери.

За ней словно было много людей. Кто-то разговаривал, кто-то смеялся. Передвигали стулья. Скрипел паркет. Будто в актовом зале проходила чья-то свадьба. Но школа уже несколько часов как опустела.

Алина ещё раз потянула ручку. На этот раз дверь неожиданно поддалась. Совершенно бесшумно она медленно открылась внутрь. Из зала лился ослепляющий золотистый свет. Алина осторожно переступила порог. И остановилась.

Это был тот же зал. И совсем другой.

Бордовый бархатный занавес на сцене, которого не было уже много лет. Круглые люстры под потолком, тусклые, будто горевшие десятилетиями без передышки. Деревянные кресла были целыми, без единой надписи или рисунка. Ни пластиковых окон, ни проектора, ни колонок. Время в этом помещении свернуло назад и застыло, забыв о движении.

На сцене школьный оркестр играл медленный вальс. Перед ним кружились пары. Белые фартуки, коричневые платья, тёмные костюмы, алые ленты через плечо. Они танцевали молча. Никто не разговаривал. Все улыбались.

Алина стояла в проёме, забыв дышать. Никто не обращал на неё внимания. Будто она была здесь всегда.

И тогда она заметила: у каждого из танцующих на груди, рядом с красной лентой, висел экзаменационный билет. Не значок, не медаль, а листок с номером. У кого-то он был свежим, у кого-то — обгоревшим по краям, потемневшим от времени. Но никто не снимал его. Словно билет был частью парадной формы.

Музыка оборвалась. Все пары одновременно замерли и повернули головы в сторону Алины. Десятки лиц. Десятки одинаковых улыбок. Полная, звенящая тишина.

Из первого ряда поднялась пожилая женщина в строгом чёрном платье. Алина узнала её сразу, хотя ни разу не видела вживую. На втором этаже школы висел её портрет, табличка под которым гласила: «Мария Ивановна Белова. Директор школы с 1958 по 1989 год». Женщина улыбнулась так тепло, словно ждала этого момента всю жизнь.

— Ну наконец-то. Мы уже начали волноваться, — сказала она мягко и сделала приглашающий жест. — Проходи, Алина. Выпускной не начнётся без тебя.

Алина шагнула назад, спина коснулась дверного косяка.

— Вы ошибаетесь. Я не Алина.

— Ошибаюсь? — директор едва заметно покачала головой. — За тридцать один год работы в этой школе я ни разу не ошиблась в учениках.

Она спустилась со сцены легко, почти бесшумно. Каблуки не стучали по паркету.

— Я просто хотела проверить...

— Все хотят проверить, — директор улыбнулась. — И все остаются.

За её спиной выпускники снова зашевелились. Кто-то поправил бант, кто-то посмотрел на большие часы над сценой. Их стрелки стояли на двенадцати.

— Где я? — спросила Алина.

— На выпускном.

— Здесь никого не было полчаса назад.

— До полуночи здесь никого нет, — директор развела руками, словно это всё объясняло. — А сейчас уже полночь.

— Школа закрыта.

— Для одних — да. Для других — нет.

Алина посмотрела на лица выпускников. Раньше она видела только улыбки. Теперь заметила глаза. Они были пустые. Совершенно, абсолютно пустые. Словно за этими лицами давно никого не было.

— Почему они молчат?

— Ждут.

— Чего?

— Когда смогут уйти.

— Мне пора домой, — Алина схватилась за ручку двери.

Директор хлопнула в ладоши. Оркестр снова затянул вальс. Из толпы вышел высокий юноша в старомодном костюме. На груди у него висел потемневший билет. Он слегка поклонился.

— Разрешите пригласить вас?

— Нет.

Он не обиделся. Не удивился. Просто повернулся и растворился в толпе. Будто знал ответ заранее.

— Они все такие странные, — прошептала Алина.

— Они здесь очень давно, — директор посмотрела на выпускников с какой-то грустной нежностью.

— Насколько?

— Некоторые здесь уже больше ста лет.

— Это невозможно.

— Для школы нет ничего невозможного. Она помнит всех, кто должен был уйти, но не доучился.

Директор подошла к стене, где висели рамы с фотографиями. Алина готова была поклясться, что минуту назад этой стены здесь не было. Десятки снимков: выпуск сорок первого, пятьдесят шестого, семьдесят восьмого, девяносто пятого, две тысячи первого. На каждом ученики одинаково улыбались.

— Они закончили школу, — сказала директор, проводя пальцем по снимкам. — И они. И эти. Но выпускной не закончился. Потому что выпускной заканчивается только после последнего экзамена.

В этот момент в глубине зала прозвенел звонок. Короткий резкий сигнал к началу урока. Выпускники одновременно подняли головы. Из боковой двери сцены вышел седой мужчина в строгом костюме. Он держал в руках толстый журнал в потёртой кожаной обложке.

— Выпуск две тысячи двадцать пятого года, — произнёс он, не поднимая глаз. — Экзамен начинается.

Выпускники молча, без суеты, направились к выходу. Никто не спрашивал, куда идти. Их движения были отточены до автоматизма, словно они проходили этот путь бесчисленное количество раз.

Алина попятилась к дверям.

— Мне туда не нужно...

— Алина Морозова, — седой мужчина поднял взгляд. Глаза его оказались совершенно белыми, без зрачков. — Присутствует.

Перо в его руке само вывело в журнале отметку.

— Откуда вы знаете моё имя?

Мужчина уже переворачивал страницу.

— Одиннадцатый «Б». Присутствуют... двадцать три. Отсутствует один.

Впервые за всё время кто-то из выпускников заговорил. Совсем тихо:

— Всегда отсутствует один...

— Следуйте за классом, — приказал экзаменатор.

Двери актового зала распахнулись сами собой. Коридор за ними изменился. Теперь не было окон, стены с дверьми тянулись с двух сторон, и конец коридора терялся в тенях.

Выпускники пошли вперёд. Алина развернулась и замерла. Вместо входа в актовый зал висел тяжёлый красный занавес.

— Не бойся, — подошла директор. — Первый экзамен всегда кажется самым страшным.

Она коснулась локтя Алины. В ту же секунду в голове девушки возникла чужая, ледяная мысль: все идут — и ты иди. Алина стиснула зубы, выдернула руку и отступила на шаг.

— Нет. Я ухожу.

— Все так говорят, — вздохнула директор.

Колонна выпускников скрылась в тенях коридора. Алина бросилась к занавесу, рывком откинула его и застыла. За занавесом был ещё один коридор, точь-в-точь такой же. Зелёная краска стен, двери кабинетов и тени.

Алина побежала. Сначала медленно, потом быстро, потом — изо всех сил. Но коридор не заканчивался. Одинаковые стены и двери, и больше ничего. Наконец Алина остановилась, тяжело дыша. Справа висела большая доска объявлений. На ней было прикреплено одно пожелтевшее расписание.

26 мая

09:00 — математика

11:30 — русский язык

14:00 — история

Ниже красовалась подпись красными чернилами:

«До успешной сдачи.»

Алина сорвала листок. На обратной стороне оказалась фотография выпускного класса. В центре улыбалась она сама, будто снимок сделан сегодня утром. Но под фото стояла дата: 26 мая 1987 года.

Алина уставилась на снимок. Все лица были неподвижны. Только её собственное слегка изменилось. Улыбка стала шире. Глаза смотрели прямо на неё, на ту Алину, что стояла в коридоре с листком в руке.

В этот момент за спиной прозвенел ещё один звонок.

Алина резко обернулась. Одна из дверей медленно открывалась. На табличке надпись: «Математика». Из кабинета лился тёплый жёлтый свет.

— Следующий, — раздался голос.

Она попятилась.

— Следующий, — повторили настойчивее.

Алина резко обернулась и в следующее мгновение оказалась стоящей перед доской внутри класса. Дверь была закрыта. За первой партой сидел тот же седой мужчина. Перед ним веером лежали билеты и журнал, а сбоку стоял старый механический будильник. Стрелки замерли на двенадцати. Остальные парты были заняты. Выпускники сидели молча: кто-то листал тетради, кто-то шевелил губами, повторяя заученное. Они выглядели живыми. Просто очень, очень уставшими.

— Бери билет, — сказал экзаменатор.

— Я не буду сдавать ваш экзамен, — Алина сложила руки на груди.

— Все так говорят. Ты тоже так сказала. В первый раз.

— Я здесь впервые.

— Нет, — экзаменатор перевернул несколько страниц журнала. — «Алина Морозова. Попытка первая. Отказалась отвечать». «Попытка вторая. Покинула аудиторию». «Попытка третья. Нарушила правила».

— Хватит!

Алина бросилась к журналу, выхватила его и распахнула наугад. Страницы были исписаны тысячами фамилий. Многие повторялись десятки раз. Рядом стояли отметки: «Не готов», «Не готов», «Не готов». Изредка попадалось другое: «Остался». Ни одного «Сдал».

Она лихорадочно листала дальше. Снова и снова ей попадалось её собственное имя. Десятки записей. Даты: 1968, 1969, 1970, 1971...

— Это невозможно, — голос Алины дрогнул.

— Возможно, — спокойно ответил экзаменатор. — Ты просто не помнишь предыдущих попыток. Никто не помнит.

Алина захлопнула журнал и бросила его на пол. Экзаменатор даже не взглянул вниз, лишь разочарованно покрутил головой:

— Каждый раз одно и то же. Сначала спорите. Потом убегаете. А потом снова приходите на звонок. Потому что школа всегда заканчивает то, что начала.

Алина не стала слушать. Она бросилась к двери, выскочила в коридор и побежала. Кабинеты мелькали: русский, химия, география, музыка. Затем снова русский, снова химия. Школа перебирала собственные воспоминания, подставляя знакомые двери в бесконечном хаосе.

Впереди показалась лестница. Алина перепрыгивала через ступеньки, поднялась на второй этаж, на третий. Добежала до конца коридора и увидела окно. За ним не было ночи. На дворе светило яркое солнце. Дети с рюкзаками бежали на уроки, кто-то смеялся. Обычное сентябрьское утро.

Алина ударила ладонями по стеклу:

— Помогите!

Никто не обернулся. Она ударила кулаком. Стекло дрогнуло, и по нему побежала трещина. На мгновение сердце екнуло, но трещина не разошлась. Она сложилась в слова:

«До начала экзамена пять минут.»

Надпись исчезла. Стекло стало целым. За ним опустел двор, небо мгновенно потемнело. Где-то внизу звякнул звонок.

Алина отступила от окна. На подоконнике сидела девочка лет шестнадцати, одетая в старую школьную форму: коричневое платье, белый фартук, косы с выцветшими лентами. Секунду назад её там не было.

— Не убегай, — сказала девочка, глядя в пустоту. — Всё равно не получится.

— Кто ты?

Девочка повернула голову. Лицо бледное, почти прозрачное, но глаза живые, испуганные.

— Я тоже убегала.

— И что?

— Уже очень давно... — она грустно улыбнулась. — Здесь все забывают свои имена. Сначала фамилию. Потом лицо мамы. Потом голос папы. Потом перестаёшь помнить, зачем вообще хотел домой.

Она посмотрела на Алину.

— Если хочешь выбраться... не сдавай экзамен.

— Но тот мужчина сказал...

— Он врёт. Но и убегать нельзя.

— Тогда что делать?

В глазах девочки мелькнул настоящий страх. Она открыла рот, чтобы ответить...

В конце коридора послышались шаги и ритмичное постукивание. Тук. Тук. Тук. Будто кто-то шёл, опираясь на трость.

Девочка мгновенно исчезла. Из-за поворота появился высокий мужчина в чёрном костюме. В руках он держал длинную деревянную указку, которой и выстукивал ритм. Волосы зачёсаны назад, лицо обычное. Таких учителей Алина встречала в школе не раз. Только глаза его были закрыты. Он шёл с закрытыми глазами и ни разу не сбился с шага.

Тук. Тук. Тук.

Он остановился у подоконника. Медленно вдохнул. Повернул голову туда, где стояла Алина.

— Опять прячешься? — спросил он тихо.

Алина не двигалась.

— Я всё равно тебя слышу.

Алина осторожно отступила. Половица скрипнула. Уголки губ мужчины дрогнули.

— Вот и ты.

Он сделал шаг вперёд. Алина сорвалась с места. Она свернула за угол, перепрыгнула через лестничный пролёт, выскочила на первый этаж. За спиной размеренно стучала указка. Без спешки. Но расстояние между ними не увеличивалось.

Алина толкнула первую попавшуюся дверь, и в нос ей ударил запах старой бумаги. Библиотека. Среди высоких стеллажей, за столом сидела старушка в очках и неторопливо перелистывала книгу.

— Помогите! — выдохнула Алина.

— Тише, — старушка приложила палец к губам. — В библиотеке нельзя шуметь.

Снаружи шаги стали громче. Тук. Тук. Тук.

— За мной кто-то идёт...

— Знаю.

— Он меня убьёт!

Библиотекарь посмотрела с искренним удивлением.

— Нет. Он просто вернёт тебя на урок.

Шаги стихли у двери. Наступила тишина, густая и тяжёлая.

— Он не может войти? — спросила Алина.

— Не может. Это единственное место в школе, где ещё можно думать самостоятельно.

Библиотекарь сняла очки.

— Кто этот человек с указкой?

— Инспектор. Когда-то он был учителем. Здесь почти все когда-то были учителями. Или учениками. Разница быстро стирается.

— Вы знаете, как отсюда уйти?

— Из школы можно выйти только до начала первого урока.

— Но урок уже...

— Начался, — закончила библиотекарь. — Поэтому никто отсюда и не уходит.

За дверью снова раздался стук указки. Дверная ручка медленно повернулась.

— В библиотеке экзамены не принимают! — громко произнесла библиотекарь, глядя на дверь.

Несколько секунд тишины. Потом из-за двери донёсся голос:

— Ученица покинула аудиторию.

— Она ещё не ученица, — ответила библиотекарь. — Она не взяла билет.

Послышались удаляющиеся шаги. Тук... тук... тук... Звуки растворились в глубине школы.

— Нам повезло, — облегчённо выдохнула библиотекарь.

— Что это за место? — спросила Алина.

— Каждая школа что-то запоминает. Смех на переменах. Страх перед контрольной. Радость после последнего звонка. Но иногда школа запоминает слишком много. И тогда ей становится мало воспоминаний. Она начинает собирать новые.

— Значит... выпускники...

— Они не умерли. Они просто так и не смогли окончить школу. Школа не отпускает тех, кто должен ей последний экзамен.

Алина вспомнила девочку на подоконнике:

— Одна ученица сказала, что здесь забывают имена.

— Память не бесконечна. Сначала школа забирает то, без чего можно жить. Потом — то, что дорого. А в конце оставляет только одно желание: наконец сдать последний экзамен.

— Но его невозможно сдать?

Библиотекарь впервые посмотрела ей прямо в глаза.

— Именно поэтому школа существует.

В этот момент далеко прозвенел звонок. Короткий и резкий. Библиотекарь вздрогнула. В коридоре слышались десятки голосов, шарканье ног, скрип дверей. И детский смех. Много смеха, но какого натянутого, искусственного, без капли радости.

— Перемена, — прошептала библиотекарь. — Теперь они могут ходить где угодно.

За окнами библиотеки стали появляться детские лица. Мальчики и девочки в школьной форме разных лет прижимались к стеклу снаружи. Их становилось всё больше и больше. И все улыбались той же пустой улыбкой.

Один из мальчиков постучал по стеклу ногтями. Другой повторил. Потом третий. Через секунду по окнам застучали все. Библиотекарь задёрнула шторы. Стук сразу стих.

— Они нас не видят, если мы не смотрим на них, — сказала она.

— Кто они?

— Бывшие. Те, кто перестал ждать выпускного.

Библиотекарь взяла с книжной полки старый том в потрескавшемся кожаном переплёте. На обложке золотом было выведено: «Правила школы».

— Здесь есть правила?

— Конечно. Но никто не читает их до конца.

Алина взяла книгу и раскрыла на первой странице:

«Ученик имеет право покинуть школу после окончания занятий.»

Алина перевернула страницу. Пустая. Следующая — пустая. И ещё. Вся книга состояла из пустых листов. Только на самой последней странице:

«Занятия никогда не заканчиваются.»

Алина медленно закрыла книгу.

— Значит выхода нет?

— Есть, — библиотекарь сказала это так тихо, что Алина решила, будто ослышалась.

— Есть?

— Конечно. Но все ищут дверь. А искать нужно не дверь.

— А что тогда?

Библиотекарь долго молчала, глядя в темноту за шторой.

— Причину, по которой школа тебя выбрала. Школа никогда не ошибается. Каждый, кто слышит последний звонок, приходит сюда не случайно.

Алина хотела возразить, сказать, что попала сюда случайно. Но вдруг вспомнила: однажды кто-то из одноклассников рассказал легенду про Последний звонок. А она сказала: «Давайте проверим». Ей так хотелось быть самой храброй, самой клёвой, самой-самой. И вот теперь она здесь, в этом кошмаре.

Библиотекарь внимательно смотрела на неё.

— Начинаешь понимать?

Внезапно погас свет. Библиотека погрузилась в абсолютную темноту. И в этой темноте прозвенел звонок. Совсем рядом. За дверью.

Затем кто-то очень тихо произнёс:

— Алина, тебя уже все ждут.

Свет не вернулся. Темнота была такой густой, что Алина не видела собственных рук. Только из щели под дверью пробивался холодный белый свет.

— Не отвечай, — прошептала библиотекарь. — Что бы ты ни услышала — молчи.

— Алина... — голос за дверью был тёплым и ласковым. — Урок уже начался. Ты опять опаздываешь.

Это была её классная руководительница.

— Алина, открой дверь.

Библиотекарь сжала её запястье.

— Не слушай.

Голос вздохнул. Потом изменился.

— Алина... — теперь говорила мама. — Доченька, хватит прятаться. Мы с папой тебя ищем.

Алина почувствовала, как по щекам покатились слёзы. Она шагнула к двери.

— Нет! — библиотекарь удержала её.

— Это мама... — попыталась возразить девочка.

— Это обман.

За дверью тихо рассмеялись.

— Ты что, не узнаёшь меня? — снова мамин голос.

Алина отступила. Голос тут же изменился. Теперь говорил отец:

— Алина. Немедленно открой дверь.

Библиотекарь покачала головой.

— Видишь? Оно ищет ключ. Школа ищет способ тебя открыть.

В коридоре наступила долгая и тягучая тишина. И вдруг в дверь тихонько постучали.

— Извините... — это был тихий детский голос. — Можно войти?

— Кто там? — спросила Алина шёпотом.

— Я потерялся.

— Не говори с ним, — прошептала библиотекарь.

— Мне страшно... — голос был совсем рядом, словно мальчик сидел у двери. — Здесь темно... Я не знаю, где мой класс...

Алина представила первоклассника, забытого в пустой школе.

— Пожалуйста... Я один и мне очень страшно...

Алина больше не выдержала.

— Я сейчас помогу! — крикнула она. — Подожди...

— Зачем... — библиотекарь схватилась за голову.

В ту же секунду наступила тишина. Мальчик перестал плакать. А потом за дверью раздался уже совсем другой голос. Грубый. Взрослый. Насмешливый.

— Нашёл.

Дверная ручка начала медленно поворачиваться вниз. Алина отступила к книжным полкам. Библиотекарь встала, прижимая к груди чёрную книгу правил. Скрип, и дверь раскрылась. Холодный воздух влетел в библиотеку и ударил девушку в лицо. За дверью больше не было коридора. Там был ночной школьный двор.

Полная бледная луна, чёрные фигуры деревьев, мокрый асфальт. Алина, не раздумывая, бросилась в проём. Она выбежала во двор, поскользнулась на гравии, поднялась и бросилась к воротам. Они были широко открыты. Она выбежала на улицу и побежала по ночному городу, не оглядываясь. Школа осталась позади, чёрным монстром среди деревьев.

Но с каждым шагом по пустынным улицам что-то исчезало из её головы. Имя матери. Собственное имя. Адрес дома. Смысл слова «дом». Зачем она бежит. От чего.

Алина остановилась посреди перекрёстка с мигающим жёлтым светофором. Она не помнила, куда идти. Не помнила, откуда пришла. Она смотрела на ладони, на рваный подол платья, на сбитые носки туфель.

Алина оглянулась и пошла к единственному знакомому зданию.

Май. Год спустя.

У старой кирпичной школы стояли полицейская машина и скорая помощь. День выдался серым и пасмурным, того и гляди, вот-вот пойдёт дождь.

Полицейский и медсестра подошли к девушке, сидящей у школьного забора. Она была одета в рваное грязное платье. Волосы спутаны, лицо бледное, руки исцарапаны и трясутся.

— Привет, — осторожно сказал участковый, присев на корточки. — Как тебя зовут?

Девушка медленно подняла голову. Глаза её были пусты. Она посмотрела на полицейского, потом на школу, на часы над входом. Стрелки показывали без пяти двенадцать.

— Вы... — голос её был тихим и хриплым. — Вы слышите звонок?

Полицейский переглянулся с медсестрой.

— Какой звонок, девочка? Здесь тихо.

Она покачала головой. В её взгляде не было ни страха, ни радости. Только лёгкое, почти детское удивление.

— Он звенит. Каждый год. В полночь. После Последнего звонка.

Она снова посмотрела на часы и улыбнулась какой-то пустой, ничего не значащей, улыбкой.

— Нам пора, — прошептала она. — А то опоздаем на выпускной.

— Это наша школьная легенда, — объяснила медсестра и накрыла плечи девушки пледом. — А ведь она похожа на прошлогоднюю потеряшку. Неужели легенда не врёт?

— Глупости, — отмахнулся полицейский и закурил. — Наверное, просто из дома сбежала. И, судя по виду, ничего хорошего из этого не вышло.

Алина не слушала их, она продолжала смотреть на школьное здание, на закрытые двери, на тёмные окна актового зала. И ждала. Ждала, когда для неё снова прозвенит звонок.